

ГЛАВА 7

БРИТАНИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ «Национальный проект» и «историческая революция» конца XVI – первой половины XVII века¹

Начало национальных историй просматривается в Европе задолго до «века национализма». Можно говорить об определенном протонационализме исторических текстов позднего средневековья и раннего Нового времени. Уже «История английских королей» (лат. «Gesta regum Anglorum») английского монаха XII века Уильяма Мальмсберийского дает представление о политическом и культурном единстве нации под названием Англия. Автор восхваляет англичан за то, что они стали цивилизованными под влиянием норманнов и формулирует их особую миссию по отношению к варварам-кельтам – валлийцам, шотландцам и ирландцам. Центральная тема этого сочинения – прогресс цивилизации – была подхвачена Дэвидом Юмом в XVIII веке. Юм восхищался работами Уильяма Мальмсберийского, разделял его франкофилию, а также веру в прогресс и цивилизацию – центральные темы всей историографии XVIII века в Европе. В связи с этим большой эвристический потенциал содержится в изучении «вертикальных» связей между эпохами и интертекстуальность создаваемых исторических нарративов, выявление преемственности и разрывов в традиции историописания, ее контекстуальности. Все это как раз и формирует уникальность взаимодействия исторической памяти и национальной идентичности в отдельно взятой стране².

Однако об осознанном формировании национальной идентичности можно говорить только в эпоху Возрождения. Именно ученые-гуманисты с энтузиазмом взялись за разработку темы «нация». В отличие от средневековых историков (которые чаще всего были мона-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

² Berger S. Proto-nationalism and pre-modern European narratives about the nation / Writing the Nation: A Global Perspective / Ed. by Stefan Berger. Basingstoke, Hants.; New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 30.

хами) гуманисты были той космополитичной средой, где сформировался «пул» общих воспоминаний, ценностей, символов и мифов, ориентированных на символическую сущность под названием нация (даже там, где ее существование было под вопросом, как в итальянских или немецких землях). Там, где гуманисты оказывались под прямым покровительством монархов, они демонстрировали стремление создавать свои нарративы вокруг строительства национального государства. Понятия «географии», «территории» и «истории» оказались в их восприятии связанными общей идеей государственности. Изобретение книгопечатания в конце XV века стало решающим фактором во взаимодействии национальных дискурсов друг с другом. Как альтернатива *Rex Christiana* появилась общественная сфера, в которой идеи о нации циркулировали и обсуждались в Европе.

Поскольку гуманисты часто были классиками – они склонялись к классическим текстам для определения характеристик отдельных наций. Ярким примером является повторное открытие итальянскими гуманистами текста Тацита о германских племенах. Они использовали «*De origine et situ Germanorum*» для демонстрации культурного превосходства их предков в Римской империи над варварами, которые попали под влияние высокой культуры Рима. Однако в ответ немецкие гуманисты, такие как Якоб Вимпфелинг, Конрад Цельтис и Ульрих фон Гуттен «перевернули» этот аргумент и возвели на алтарь нации добродетели своих предков – древних германцев, такие как честность, открытость, порядочность, любовь к свободе и нравственная чистота. Германцы противопоставлялись продажным, высокомерным, вырождающимся и женоподобным римлянам. В каждом отдельном случае гуманисты также были заинтересованы в поиске истоков конкретной государственности и стремлении подчеркнуть древние истоки нации. Национальные герои имели решающее значение, так как они символизировали национальное достоинство. Также уже гуманисты демонстрировали тенденцию противопоставлять собственную нацию «другим», как правило, соседним нациям. Идея врагов, таким образом, была уже хорошо проработана в национальном дискурсе XVI столетия.

Интерпретация Реформации в Европе также может быть построена на гуманистическом дискурсе о нации. Монархи и главы протестантских государств Северной, Центральной и Западной Европы использовали идею протестантской нации как антиуниверсалистский оппозиционный топос в борьбе с «папизмом». Национальный дискурс строился на «исправлении заблуждений» католической церкви вопреки Риму и против Рима. Национальные нарративы ста-

ли действенным инструментом для победы над воинствующим универсализмом контрреформации и законного создания протестантских наций. Реформация, по существу, оказалась одним из основополагающих факторов для национального строительства многих протестантских государств Европы, в том числе для Великобритании. Таким образом, многие тропы национальной идентичности, которые станут важными составляющими национальной истории, восходят к средневековью и раннему Новому времени. Однако основные изменения в этом отношении произойдут только во второй половине XVIII – начале XIX века.

Современные нации принципиально отличались от «наций» раннего Нового времени. Лояльность и поддержка широких слоев населения становится важнейшим средством легитимации национальных государств. Следовательно, гранд-нарративы «века национализма» также имеют свои отличительные признаки. Для понимания интеллектуального фона этого «перехода» воспользуемся удобной для данного случая концепцией «седлового времени» (нем. *Sattelzeit*), предложенной представителями Билефельдской школы Отто Бруннером, Рейнхардом Козеллеком и их коллегами³. На немецком материале они доказали, что под воздействием глубоких структурных изменений в германских землях в экономике, политике, общественном сознании в период между 1750 и 1850 гг. произошла трансформация ключевых терминов и понятий политического языка⁴. Согласно выводам Р. Козеллека, примерно на протяжении ста лет с середины XVIII до середины XIX века происходит «семантический сдвиг», отражающий новое восприятие времени в таких категориях как «изменение» и «движение» в отличие от предшествующей вневременной статике. Эти процессы протекали в целом по всей Европе. В результате, добавим от себя, нация стала скрепляющим обществом паттерном, заменив на этом «посту» церковь, династии и феодальный патернализм. Нация стала решающим элементом «це-

---

³ Термин «*Sattelzeit*» был введен в исторические исследования немецким историком Отто Бруннером для характеристики периода между 1750 и 1850 годами. См. Pim den Boer, 'The Historiography of German Begriffsgeschichte and the Dutch Project of Conceptual History', in Iain Hampsher-Monk, Karin Tilmans and Frank van Vree (eds), *History of Concepts: Comparative Perspectives* Amsterdam. 1998. p. 18.

⁴ *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Reinhart Koselleck mit Werner Conze und Otto Brunner 8 in 9 Bänden. Klett-Cotta, Stuttgart 1972–1997; Berger S. *National history writing and the arrival of modernity in Europe, 1750–1850 // Writing the Nation: A Global Perspective*. Edited by Stefan Berger. Palgrave Macmillan. 2007. P. 32.

ментирования» современного национального государства. Очевидно, что до «условного» 1750 года нация и история не играли той решающей роли.

Здесь следует отметить, что тенденции национального строительства имели прямое воздействие на развитие истории как отрасли знания. Вторая половина XVIII столетия ознаменовала собой начало понимания истории как науки в современном смысле слова⁵. Это определило ее институционализацию и профессионализацию, придало ей академический статус. Уже в XIX в. история стала основным предметом в университетах, заняла ведущее положение в академиях. Свой расцвет переживают разнообразные исторические сообщества и историческая периодика. Локус социокультурной власти был важен для развития национальных нарративов по всей Европе. Изменения в преподавании и практике исследований соединились в новом понимании того, что же такое «история». Филология и критика источников стали важнейшим инструментом поиска различий между «мифом» и «истиной»⁶. Исторический семинар стал тем местом, где профессор и студенты вместе оттачивали мастерство «ремесла историка». Леопольд фон Ранке стал символом этого нового понимания исторического письма в XIX веке. Историки со всей Европы устремились в Германию, чтобы овладеть «инструментами» этого исторического мастерства⁷. В конечном итоге, процессы институционализации и профессионализации историописания привели к более четкому различию между любителями и профессионалами, между литературой и историей, между мифом и историей. Высокий авторитет историков сделал их выдающимися выразителями национальной идеи в Европе XIX столетия.

«Историческая революция» в Англии 1580–1640 гг.

Уже более пятидесяти лет прошло с тех пор, как американский историк Ф.С. Фасснер выдвинул тезис об «исторической революции» в Англии в эпоху поздних Тюдоров – ранних Стюартов⁸. Этот

⁵ Feldner H. The New Scientificity in Historical Writing around 1800 / Writing History: Theory and Practice / Ed. by Stefan Berger, Heiko Feldner and Kevin Passmore (eds). L., 2003. P. 3–22.

⁶ Lorenz C. Drawing the Line: “Scientific” History between Myth-Making and Myth-Breaking // Narrating the Nation: the Representation of National Narratives in Different Genres / Ed. by S. Berger and L. Eriksonas. Oxford: Berghahn Books, 2007.

⁷ Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline / Ed. by Georg G. Iggers, James M. Powell. Syracuse, 1990.

⁸ Fussner F.S. The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought, 1580–1640. L., 1962; Levine J.M. Ancients, Moderns and the Continuity of English Historical Writing in the Later Seventeenth Century // Studies in Change and

тезис его одноименной монографии заключался в том, что в период с 1580 по 1640 г. в Англии произошла «историографическая революция», которая имела решающее влияние на «те исторические взгляды и вопросы, которые мы признаем своими» сегодня⁹. Нижняя граница – 1580-е годы – автором обоснована возникновением «более подходящих условий для исследований», что нашло свое выражение в создании Антикварного общества и библиотеки сэра Роберта Коттона, а также и в том, что «антиквары стали сомневаться в своих средневековых авторитетах»¹⁰. Верхняя граница определена началом конфликта между королем и парламентом в 1640 г. «Великая смута», по мысли автора, сформирует принципиально новый контекст развития исторического письма, где господствующие позиции будут закреплены за правовой и конституционной историей.

Наиболее очевидной характеристикой этой революции исторического письма, согласно Ф.С. Фасснеру, было «распространение новых типов» исторического письма как по самой идее написания, так и по способу интерпретации прошлого¹¹. А именно, к первому «типу» он относит неоконченное сочинение сэра Уолтера Рэли – фундаментальный труд «История мира» (1614), посвященный древней Греции и Риму – и определяет его как *универсальная история*. Оставаясь еще в рамках провиденциальной доктрины, Рэли привлекает широчайший круг источников на шести языках, демонстрирует знакомство с современной ему историографией о древнем мире и особое внимание уделяет географии¹². *Локальная история* представлена получившим широкую известность сочинением Джона Стоу «Описание Лондона» (1603). Это было детальное топографическое и историческое описание города с приведением информации о его зданиях, традициях и обычаях времени правления Елизаветы Тюдор¹³. Сочинение Уильяма Кемдена «Британия» (1586) маркируется Фасснером как *территориальная история*, в которой топографическая проекция государства стала объединяющим началом Елизаветинской Англии¹⁴. Джон Селден написал «Историю церковной десятины» (1618) в надежде, как полагает Фасснер, заставить прошлое

Revolution / Ed. by Paul J. Korshin. L., 1972. P. 43–75; Preston J. Was there an Historical Revolution // Journal of the History of Ideas. 1977. № 33. P. 353–364.

⁹ Fussner F.S. The Historical Revolution ... P. XVI.

¹⁰ Ibid. P. 217.

¹¹ Ibid. P. 218.

¹² The history of the world. By Sir Walter Raleigh, Knight. 1st ed., fourth issue. At London Printed for Walter Burre, 1614.

¹³ A Survey of London. By John Stow. Ed. by C L Kingsford. L., 1603.

¹⁴ Fussner F.S. The Historical Revolution ... P. 170.

ответить на вопросы настоящего и следовал так называемой *проблемной истории*. И, наконец, последний новый «тип» исторического сочинения. Это сочинение сэра Фрэнсиса Бэкона «История правления короля Генриха VII» (1622), в котором он предпринял попытку соединить историю и философию науки, что сделало его важной фигурой в развитии британского эмпиризма – опытного научного знания. То есть, это было сочинение, где обсуждалась *идея истории* как таковой.

Надо заметить, что в последние годы наблюдается оживление интереса к этой теме. Знаковыми работами в данном контексте стали труды таких ученых как Аннабель Паттерсон¹⁵, Даниель Вулф¹⁶, Грэм Пэрри¹⁷, Кевин Шарп¹⁸ и некоторых других. Они вновь открыли дискуссию о природе так называемой *исторической революции*. И не случайно, в ситуации кризиса британской национальной идентичности на рубеже XX–XXI вв. небывалую актуальность приобрело изучение национального историописания и его роли в контексте консолидации государства и общества. Действительно период 1580–1640 гг. был временем решительной трансформации всех сторон жизни английского общества. В этом отношении привлекает внимание исследовательский проект под руководством Ричарда Хельгерсона¹⁹, в котором была поставлена задача исследовать различные формы национальной идентичности («forms of Nationhood») в елизаветинской Англии. «Формы» связываются с отдельными «отраслями» развития письменного и устного слова – поэзией, правом, антикварными исследованиями, театром, религией и т.п.²⁰ Углубляя концепцию «изобретения традиции», сформулированную в 1983 г. Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером²¹, Хельгерсон пришел к выводу о

¹⁵ Patterson A. Reading Holinshed's Chronicles. Chicago, 1994; Patterson A. Shakespeare and the Popular Voice. Oxford, 1989.

¹⁶ Woolf D.R. Reading History in Early Modern England. Cambridge, 2000; Idem. The Social Circulation of the Past English Historical Culture, 1500–1730, Oxford, 2003; Idem. Local Identities in Late Medieval and Early Modern England. Palgrave Macmillan, 2007; Idem. A Concise History of History. Cambridge, 2019.

¹⁷ Parry G. The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century. Oxford, 1995; Graham P. Making History: Antiquaries in Britain, 1707–2007. L., 2007; Parry G. The Seventeenth Century: The Intellectual and Cultural Context of English literature 1603–1700. L., N.-Y., 2013.

¹⁸ Sharpe K. Sir Robert Cotton, 1586–1631. Oxford, 1979.

¹⁹ Early Modern Center. Режим доступа: <http://emc.english.ucsb.edu/about-us/>

²⁰ Helgerson R. Forms of Nationhood: the Elizabethan writing of England. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

²¹ Hobsbawm E. Introduction // The Invention of Tradition // Ed. by E. Hobsbawm, T.Ranger. Cambridge, 1983. P. 2–14.

том, что решающую роль в развитии новой государственности английского королевства сыграло поколение авторов²², рожденных между 1551–1564 гг. Именно они создали сложную культурную модель идентичности в ситуации глубокой трансформации английского общества и формирования нового протестантского государства. Р. Хельгерсон, вслед за Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером, настаивает на прямой связи между изобретением национально-культурной модели идентичности и построением современного государства на Британских островах. В отечественной историографии расцвет елизаветинской Англии в основном связывается с английским театром и именем Шекспира²³, в литературном наследии которого исторические сюжеты заняли, как известно, ключевое место²⁴. Другие «сегменты» общего процесса нациестроительства пока остаются в тени. Далее хотелось бы предложить на обсуждение некоторые идеи о роли и месте исторического письма в создании «nationhood» в Англии на рубеже XV–XVII вв.

Именно тогда в Англии происходит медленный, но верный разрыв со средневековыми формами историописания и формируется принципиально новая модель исторического письма. В его основе лежала ренессансная модель научного знания, задававшая новое уникальное представление о времени (Скалигер и рождение исторической хронологии) и пространстве (Меркатор и др.). Поиск новых форм выражения этих идей в области исторического письма не было простым и в Англии оказался связанным, в первую очередь, с антикварным движением, сплотившем лучшие умы елизаветинской эпохи, такие как У. Кемден, Г. Спелман, Р. Коттон и др. Уникальность этого движения определяется отечественными исследователями А.А. Паламарчук и С.Е. Федоровым так: «Сложившийся на рубеже XVI–XVII столетий кружок лондонских эрудитов с полным правом можно назвать явлением глубоко английским, сложившимся под влиянием всего своеобразия английского варианта Ренессанса и Реформации, а следовательно, собранием, неизменно подпитывающимся мощной англоцентричной идеей»²⁵. Определенно, этот антикварный дискурс задавался строительством нового –

---

²² Эдмунд Спенсер, Эдвард Кок, Уильям Кемден, Джон Спид, Майкл Дрейтон, Ричард Хаклойт, Уильям Шекспир, Ричард Хукер.

²³ Мир Шекспира (электронная энциклопедия). URL: <http://www.worldshake.ru/ru/Encyclopaedia/4146.html>

²⁴ Барг М. А. Шекспир и история. М., 1976.

²⁵ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюартовской Англии. СПб., 2013. С. 9.

протестантского, этнополитического и имперского по своей сути – государства на Британских островах.

Ad fontes – стало девизом этой эпохи. Как хорошо известно, начало «исторической революции» в Британии ознаменовалось расцветом городских хроник и «историй» графств. В массе своей они не являлись оригинальными сочинениями, а были вольным переложением более ранних хроник на английский язык. Они были нацелены на создание кратких и читаемых текстов. Популярность сочинений Холла, Стоу, Холиншеда показала растущую потребность в исторической информации и росте интереса дворянской элиты к генеалогии и геральдике. Очень скоро «историописатели» начали осознавать, что только путем углубления знаний о конкретных институтах, обычаях и территориях можно развить новое современное представление о прошлом. Действительно оригинальные сочинения появляются только в 1570-х гг. Первой такой историей стало сочинение Уильяма Ламбарда «Прогулка по Кенту: описание, история и обычаи этого графства» (1576)²⁶. Оно было адресовано кентскому дворянству, информацией о котором изобилует текст. Знания Ламбарда о местной истории и топографии были впечатляющими. Он описывал города и рынки, порты и вольности, религиозные общины и школы, гражданские обычаи и церковную историю графства, а в дополнение обращал внимание на топографические и другие «особенности»²⁷. Это сочинение Ламбарда, назначенного Елизаветой Тюдор в 1601 г. хранителем капеллы свитков в Тауэре, вдохновило другого выдающегося антиквара Ричарда Керью начать работу «Обзор Корнуолла», которая была опубликована в 1603 г.²⁸ В 1590-х гг. картограф и антиквар Джон Норден спланировал (но не завершил) создание серии карт по графствам «Зеркало Британии»²⁹, которое снабдил топографическими и антикварными деталями, представляющими геральдический и археологический интерес. С этого времени поток топографических обзоров и локальных историй начал быстро нарастать.

²⁶ Lambarde W. A Perambulation of Kent: Conteyning the Description, Hystorie, and Customes of that Shire. L., 1576.

²⁷ Greenslade, M. W. (1997). Introduction: county history / Guide to English County Histories / Ed. by C.R.J. Currie, L. Christopher. Sutton, P. 10–12.

²⁸ The survey of Cornwall. and an epistle concerning the excellencies of the english tongue. By Richard Carew, of Antonie, Esq.; English Local Historians // Hoskins W.G. Local History in England. L., 1959.

²⁹ Norden J. Speculum Britanniae: the First Parte: an Historicall, & Chorographically Discription of Middlesex. 1593; Speculi Britaniae Pars: the Description of Hartfordshire. 1598; См. об этом: Mendyk S.G. Speculum Britanniae: regional study, antiquarianism, and science in Britain to 1700. Toronto, 1989.

Все эти успехи интеллектуальной революции «на местах» были результатом усилий нового социального слоя – джентри, который смог «подняться» (используя знаменитый тезис Ричарда Тоуни) на «службе» короне, занимаясь преумножением ее славы и богатства. Антиквары были его частью и писали для него. Это были за редким исключением люди дворянской крови, получившие блестящее образование, но вынужденные в силу отсутствия титула и унаследованного состояния заботиться о себе исключительно своими талантами. Не случайно большинство из них выбирало стезю юриста – наиболее прибыльную и статусную профессию в «эпоху перемен». Это в значительной степени определило такую специфическую особенность исторического письма в Англии как исследование, близкое к «расследованию» с аналогичной «системой» по сбору «улик» и «доказательств». В связи с этим следует отметить еще одну специфическую особенность развития исторического письма в Англии. Это система патронажа. Большинство антикваров «служили» государству через своих покровителей, что помогало им впоследствии получать доходные должности и обеспечить себе безбедное существование. Сегодня хорошо известно, что работа У. Кемдена «Британия» вряд ли бы была написана, если бы не поддержка всесильного елизаветинца Уильяма Сесила, 1-го барона Берли. Роберт Девере, 2-й граф Эссекс был патроном братьев Бэконов. Уильям Кавендиш, 1-й герцог Ньюкасл-апон-Тайн, опекал Томаса Гоббса и т.д.

Развивая эту мысль, можно создать «сетку» интеллектуальных связей первых лиц государства и Республики ученых в английском королевстве эпохи Елизаветы Тюдор. Показательным примером является лорд Берли, о котором известный английский историк XX в. Альберт Поллард писал: «С 1558 г. в течение сорока лет биография Сесила почти неотличима от биографии Елизаветы Тюдор и истории Англии»³⁰. Лорд Берли стал подлинным покровителем наук и искусств и был убежден в моральной и утилитарной ценности образования, полагая, что таланты, обученные соответствующим образом, должны быть поставлены на службу отечеству³¹. Он проявлял заботу о том, чтобы наследники влиятельных католических семей получали протестантское образование. Занимая ключевые посты в администрации Елизаветы Тюдор, Сесил стал покровителем «историков». Он имел прямое отношение к сохранению коллекции уникальных рукописей Джона Леланда, предтечи антикварного сообщества, со-

³⁰ Pollard A.F. Burghley, William Cecil, Baron / Encyclopædia Britannica / Ed. C. Hugh. 11th ed. 1910-1911. Vol. 4. P. 816.

³¹ Beckingsale B.W. Burghley Tudor Statesman. N.Y., 1967. P. 245.

бранной под патронажем Генриха VIII. На разных этапах своей жизни он оказывал содействие Лоуренсу Ноуэллу, Джону Клэпхэму, Джону Стоу и др. Десятки книг позднеелизаветинской эпохи украшены посвящением «его сиятельству лорду-канцлеру Берли».

Лорд Берли представлял собой новый тип «идеального» протестантского джентльмена, добродетели которого были связаны не столько с достоинствами его социального слоя, сколько с добродетелями достойного человека³². Он иллюстрировал изменение идеалов английской знати и дворянства XVI века. Для него, кажется, честь и совесть были неразрывными понятиями³³. Описание лорда Берли У. Кемденом в другом его сочинении «Анналы» раскрывает новые нормы аристократизма елизаветинской эпохи: «...он был самым превосходным человеком (не говоря уже о его почтенном возрасте, его спокойном и невозмутимом выражении лица), когда бы то ни было созданным природой, настолько преобразованным и украшенным обучением и образованием, что в проявлении честности, серьезности, сдержанности, деловитости и справедливости, он был самым совершенным человеком»³⁴. Свой долг глубоко убежденный англиканин лорд Берли, несомненно, видел в служении своему отечеству и династии Тюдоров. В новом протестантском дискурсе «семья» получала новое расширительное толкование – от Бога-Отца и Королевы-Матери («жены народа») до скромного мужа – лорда в его собственном доме. Опираясь на пример патриархов и пятую заповедь, протестанты сделали Бога-Отца религиозным лидером национальной «семьи».

Такое служение короне (государству) задавало новый патриотический дискурс наведения порядка в «собственном доме» («Nationhood»). Этим объясняется небывалое развитие топографии и картографии в периоды правления королевы Елизаветы I Тюдор и короля Якова I Стюарта. Настойчивое стремление «сконструировать» целостность пространства «общего дома» определялось новым представлением о государстве. Лорд Берли и его коллега Томас Сэкфорд поддержали Кристофера Сакстона, вдохновленного трудом фламандского картографа Авраама Ортелиа «Зрелище круга земного», в его работе по составлению первой карты графств Англии и Уэльса³⁵. Уже упомянутому выше картографу Джону Нордену лорд-

³² Greaves M. The Biazon of Honour. 1964.

³³ Beckingsale B.W. Burghley ... P. 282

³⁴ Camden W. The Historie of the most renowned and victorious princesse Elizabeth, late Queene of England. Composed by way of Annals. L., 1675. P. 557.

³⁵ Saxton's Atlas of the Counties of England and Wales. L., 1579.

канцлер помог сопроводительными письмами к мировым судьям графств. В Ирландии, где политическая необходимость в составлении карт была наиболее острой, Берли использовал таких людей как Роберт Лит (Robert Lythe) и Джон Браун (John Browne). Его протее, Хамфри Коул (Humphrey Cole), сделал первую известную английскую медную гравировку карты Британских островов³⁶. Первые лица государства остро ощущали необходимость установления четких географических границ подвластных им территорий. Несомненно, их интересы распространялись и на Европу, и за ее пределы. По роду своей службы лорд Берли оказался связан практически со всеми проектами поиска «проходов» в «сказочно богатую Индию». В открытии северо-восточного прохода в Азию он поддержал Московскую компанию, благодаря которой он вступил в контакт с такими людьми, как Энтони Дженкинсон, который отправился в Персию через Россию³⁷. Позже он поддержал Хамфри Гилберта и Мартина Фробишера в их усилиях по поиску северо-западного прохода³⁸.

Следует отдельно остановиться на «Атласе» К. Сакстона, который, будучи опубликован в 1579 г., стал топографическим стандартом на многие десятилетия вперед. Впервые можно было разом увидеть Англию и Уэльс на одном листе с цветным выделением графств. В известном смысле здесь имелась и историческая информация – разнообразные символы показывали здания и поселения. Но в первую очередь карта Сакстона стала политическим инструментом. Никто так пристально не всматривался в очертания Англии на ней как лорд Берли, который, в отличие от Томаса Кромвеля, уже мог лицезреть управляемое им королевство на карте³⁹. Карты широко использовались в годы гражданской войны по обе стороны «баррикад». В последующих изданиях карты графств можно было купить отдельно. Вскоре карты Сакстона стали «обычными для всех дворян и джентльменов», достаточно часто их можно было найти на стене в гостиной в качестве предмета гордости⁴⁰. Соотношение карты всей Англии с картами отдельных графств прекрасно иллюстрирует

³⁶ Lynam E. *British Maps and Map-Makers*. 1944. L., P. 17.

³⁷ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М., 1937.

³⁸ Peck F. *Desiderata Curiosa*. L., 1779. P. 39.

³⁹ Collinson P. *This England: race, nation, patriotism* // Collinson P. *This England. Essays on the English nation and commonwealth in the sixteenth century*. Manchester, N.Y., 2011. P. 26–27.

⁴⁰ Harley J.B. *Meaning and ambiguity in Tudor cartography* // *English Map-Making 1500–1650* / Ed. by S. Tyacke. British Library. 1983. P. 22–45.

двойной статус Англии шестнадцатого века как нации и как федерации графств⁴¹. «Атлас» Сакстона имел несомненный коммерческий успех, что побудило других картографов Джона Спида, Джона Нортона и Майкла Дрейтона развивать его работу дальше.

С «Атласом» Сакстона, англичане, цитируя Р. Хельгерсона, «впервые получили эффективное визуальное и концептуальное владение физическим царством, в котором они жили». Он обращает внимание на семантику и символику карт этого времени, которые далеко выходят за рамки их практической полезности, и резюмирует: «Сакстон заслуживает место рядом с Шекспиром как интерпретатор национального сознания, единства и гордости, которые были величайшими достижениями елизаветинской Англии»⁴². Все это показывает, что карты становились помимо всего прочего инструментом власти. Чьей власти, – вопрошает Р. Хельгерсон. Кому, согласно идеологии карт, принадлежала эта земля? На «Атласе» Сакстона, у которого нет названия как такового, Елизавета I Тюдор восседает на троне между столпами Геркулеса и аллегорическими фигурами Астрологии и Географии (см. Рис. 1). Эта земля принадлежит Королеве.

В контексте рассуждений о взаимодействии интеллектуалов-антикваров/топографов/картографов и власти в Елизаветинской Англии и «конструировании» новой «картины мира» следует обратить внимание на дискуссию 2000-х гг., заданную работой Патрика Коллинсона «Монархическая республика Елизаветы Тюдор»⁴³. Дебаты об английском республиканизме, являясь частью более широкой дискуссии о республиканизме в Европе раннего нового времени, восходят к тезису Ханса Барона⁴⁴ о том, что «социально вовлеченный, исторически ориентированный» «гражданский гуманизм», возникший в защиту Флорентийской республики в начале 1400-х гг., был основой зарождения современного государства в Европе.

⁴¹ Morgan V. The cartographic image of “the country” in early Modern England // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th ser. № 29. 1979. P. 22–45.

⁴² Helgerson P. *Forms of Nationhood*... P. 107.

⁴³ Collinson P. *Monarchical Republic of Queen Elizabeth I* / Collinson P. *Elizabethans*. L., 2003. P. 31–59.

⁴⁴ Baron H. *The Crisis of the Early Italian Renaissance*. Princeton, 1955. P. 461; *Renaissance Humanism: Foundations, Forms and Legacy*. Ed. Rabil. Philadelphia, 1988. vol. I. *Humanism in Italy*. P. 141–174; Scott J. *Classical Republicanism in Seventeenth-Century England and the Netherlands / Republicanism: A Shared European Heritage*. Eds. M. van Gelderen and Q. Skinner. Vol. I. *Republicanism and Constitutionalism in Early Modern Europe*. Cambridge, 2002. P. 61–81; Skinner Q. *Classical Liberty and the Coming of the English Civil War / Republicanism: A Shared European Heritage*. Eds. M. van Gelderen and Q. Skinner. Vol. II. *The Values of Republicanism in Early Modern Europe*. P. 9–28.

Рис. 1. Фронтиспис к тому карт «Атласа графств Англии и Уэльса» Сакстона 1579 г.
https://research.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=309760001&objectId=3050410&partId=1

Сочинение Дж. Покока «Макиавеллиевский момент» (1975) имело решающую роль в развитии этого тезиса. Он проследил траекторию развития республиканизма от итальянских «истоков» до середины XVII века – до революции и, в конце концов, создания конституции. Вывод Дж. Покока о том, что «гражданское общество» как «полис или республика» «едва ли существовало» в Англии до 1642 года⁴⁵, спровоцировал, по замечанию Кевина Шарпа⁴⁶, «дерзкий» ответ П. Коллинсона в эссе «Монархическая республика Елизаветы Тюдор» (1987). Он отвечал так же и тем, кто развивал идею о деспотизме Тюдоров. Коллинсон доказывал, что елизаветинская «De Republica Anglorum» была пропитана «антимонархическим вирусом, который был частью наследия гуманизма начала шестнадцатого века». Эти идеи П. Коллинсон развил в ряде своих последующих монографий⁴⁷. Их продуктивность характеризует коллективный «ответ» ведущих специалистов по теме в собрании эссе «Монархическая республика в Англии раннего Нового времени» (2008)⁴⁸, кодой которого стало эссе Квентина Скиннера, внесшего заметный вклад в развитие темы «свобода до либерализма»⁴⁹.

Гражданские добродетели и гражданское общество в Англии, пока в его дискретном воплощении национальной властной элиты, привело к созданию государства «монархического по форме, [но] республиканского по своему характеру»⁵⁰. Очевидно, что сознание новой протестантской элиты было пронизано национальной идеей и оказывало влияние на быстро меняющееся английское общество, как по горизонтали (территории), так и по вертикали (социальная иерархия). Однако ясно, что средостением этого нового проекта «нация-государство» как в символическом пространстве, так и в конкретно-организационном был королевский двор и сама Елизавета Тюдор⁵¹.

⁴⁵ Collinson P. *Monarchical Republic ...* P. 38; Pocock J. *England // National Consciousness, History and Political Culture in Early-Modern Europe* / Ed. by O. Ranum. Baltimore, 1975, P. 98–117; Idem. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 2003, P. 354, 360.

⁴⁶ Sharpe K. Review on «Elizabethans» by P. Collinson // *History Today*. July, 1995. P. 53–54.

⁴⁷ Collinson P. *Elizabethans*. L., 2003; Idem. *From Cranmer to Sancroft: Essays on English Religion in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Bloomsbury Publishing, 2007; etc.

⁴⁸ *The Monarchical Republic of Early Modern England: Essays in Response to Patrick Collinson*. Ed. John F. McDiarmid. L., 2007.

⁴⁹ Skinner Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. 2 vols. Cambridge, 1978; Idem. *Visions of Politics*. 3 vols, Cambridge, 2002.

⁵⁰ Collinson P. *Monarchical Republic ...* P. 15.

⁵¹ Дмитриева О. Елизавета Тюдор. М., 2012.

И особая атмосфера «республиканской монархии» была той благодатной почвой, где постепенно формировался миф о Великой Британии. Далее нас будет интересовать только исторический «сегмент» этого многоуровневого и сложного процесса формирования национальной идентичности. И это достаточно сложная задача, так как для ренессансной модели знания характерен синкретизм, а историографии на злобу дня в духе высокого гражданского нарратива (например, сочинение Ф. Бэкона о Генрихе VIII) не были определяющей линией развития нового исторического знания в Англии на рубеже XVI–XVII вв. Хорография – вот что стало его магистральным трендом⁵².

Новый синтез пространства и времени находит свое воплощение в «жанре» исторического письма, который сегодня почти забыт, – хорография. Жанр, который имел что-то общее как с историей, так и с географией, но при этом сохранял свою самостоятельность. География была связана с картой, история – с людьми. Хорография отличалась от истории тем, что была сосредоточена не на людях, а на «местах» (городах, замках, полях сражений, природных «диковинах»), но в их историческом прошлом. А от географии – тем, что она основывалась не на «широте» и «долготе», а на искусстве наблюдения и фиксации результатов через описательные практики. Эту работу проделывали глазами и ушами, и, конечно, ногами – хорографы эпохи Елизаветы Тюдор путешествовали и должны были сами увидеть то, о чем описали. Это разительно отличало новых «историков» от их собратьев предшествующего поколения. Известно, например, что Уильям Харрисон, автор знаменитого «Описания Англии», вошедшего в «Хроники» Холиншеда, никогда не покидал родных мест⁵³.

На основании работ Сакстона, Нордена и других картографов англичане конца XVI столетия и начала XVII века открывают себя в своем прошлом пространственно – с помощью уточненных карт и изощренных описаний ландшафтов в локальных историях. В первую очередь через эти практики формировалось представ-

---

⁵² Хорография берет свое начало в XV в. в новаторском сочинении Флавио Бьондо «Italia Illustrata», в начале XVI столетия в Германии Конрад Целтиус и другие гуманисты планировали создать иллюстрированную карту «Germania», которая так и не увидела свет, хотя это привело к публикации серии региональных хорографий. См.: Strauss G. Sixteenth-Century Germany – Its Topography and Topographers. Madison, 1959.

⁵³ Об этом см.: Parry G.J.R. A Protestant Vision: William Harrison and the Reformation of Elizabethan England. Cambridge, 1987; Idem. William Harrison and Holinshed's Chronicles // Historical Journal. 1984. № 27. P. 789–810.

ление о том, «кто мы». Если историки графств «вели» читателей-елизаветинцев по дорогам и водным путям своей страны, то собрание травелогов «Главных путешествий» Ричарда Хаклюйта 1589 года⁵⁴ (расширенное издание – 1598–1600 гг.) стало настоящей эпопеей подвигов английского народа в Великих географических открытиях, собранием рассказов о смелости и находчивости англичан в освоении новых «территорий».

Собственно, созданное У. Кемденом историческое сочинение «Британия» является вершиной развития английской хорографии и одновременно проекцией идеи создания сильного, единого и протестантского государства на Британских островах его покровителя, лорда Берли. Первое издание «Британии» (1586) появилось в виде скромной по объему книжки и претерпело впоследствии пять переизданий (1587, 1590, 1594, 1600 и 1607). Каждое из них значительно расширялось как по содержанию, так и по оформлению, по сравнению с предшествующим, и, в конце концов, состоялось превращение этого труда в богато иллюстрированный красивый фолиант. Издание 1607 г. впервые включало в себя полный набор карт графств К. Сакстона и Дж. Нордена. Первое англоязычное издание, переведенное Филимоном Холландом, увидело свет в 1610 г. и вновь было дополнено самим Кемденом (в основном сведениями по Ирландии)⁵⁵. Если же говорить о содержании «Британии» У. Кемдена, то в этом сочинении встречаются и переплетаются два дискурса: ренессансный дискурс в р е м е н и , опрокинутый в эпоху великого Рима, и антикварный дискурс п р о с т р а н с т в а -территории, основанный на идее нации-государства. В работах С.Е. Федорова и А.А. Паламарчук этот феномен пересечения двух дискурсов получил название «зеркального эффекта»⁵⁶.

Если мы сосредоточимся на «римском» дискурсе сочинений Кемдена мы столкнемся с парадоксальным явлением. Создавая «националистическое» сочинение по истории Британии, он был, прежде всего, космополитом. Его «Британия» адресована в первую очередь собратям по *Respublica literaria* континентальной Европы.

⁵⁴ The Principall Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation. 1589.

⁵⁵ Camden W. The Author to the Reader // Camden W. Britain, or a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland, and the Ilands adjoining, out of the depth of Antiquitie. Translated by Holland, Philemon. L., 1610.

⁵⁶ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюартовской Англии. СПб., 2013. С. 144–155.

«Осняет» его труд «Британия» ссылка на просьбу Авраама Ортелиа «восстановить древность Британии и Британию в ее древности»⁵⁷. Кемден писал на универсальном языке латыни и главным образом для ученого европейца с целью познакомить его с древностями его «великой родины».

«Древность», означала для Кемдена, прежде всего, классическую античность. Поэтому он начинает свое исследование с карт и описаний Римской Британии. Его первой задачей становится связать римские города и дороги с ландшафтом, но также – с древними бриттскими племенами. Хотя Кемден интересовался всеми видами древностей, он особенно был занят римскими «остатками»: от вала Антонина в далекой Нортумбрии, которую он посещал дважды, до монет и надписей. Идея заключалась в том, чтобы проинформировать образованную европейскую общественность о периферийном островном государстве, о котором она почти ничего не знала, но территория, которого когда-то была провинцией Римской империи и теперь может претендовать на звание значимой части ученого и цивилизованного мира⁵⁸. Нидерландский гуманист Юстус Липсиус в 1586 г. писал: «Не только ваша собственная страна в долгу перед вами, но и мы, иностранцы, которые до сих пор почти не знали о Британии» (лат. «*Multum patria tibi debet, multum exteri nos, qui per Te videmus Britanniam, cur non videmus*»)⁵⁹

Если же обратиться к хорографическому дискурсу создания пространственного образа «нации-государства», то здесь следует указать на то, что сама идея и значительная часть материалов была заимствована Кемденом у Джона Леланда, выдающегося филолога и гуманиста 1530–1540-х гг., которому в связи с секуляризацией Генрих VIII поставил задачу проведения инвентаризации монастырских и других библиотек. Леланд, «всцело охваченный желанием тщательно осмотреть все части этого... богатого и обширного королев-

⁵⁷ Camden W. The Author to the Reader // Camden W. Britain, or a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland, and the Ilands adjoining, out of the depth of Antiquitie / Translated by Holland, Philemon. L., 1610.

⁵⁸ Piggott S. William Camden and the Britannia // Proceedings of the British Academy. № 37. 1951. P. 100–217; Levy F.J. The making of Camden's Britannia // Bulletin d'Humanisme et Renaissance. № 26. 1964. P. 70–97; Trevor-Roper H. Queen Elizabeth's First historian: William Camden // Trevor-Roper H. Renaissance Essays. L., 1985; Herendeen W.H. William Camden: A life in context. Woodbridge, 2007.

⁵⁹ Collinson P. William Camden and the anti-myth of Elizabeth: setting the mould? // Collinson P. This England. Essays on the English Nation and Commonwealth in the Sixteenth century. Manchester, N.Y., 2011. P. 170.

ства», обещал Генриху VIII подарить ему «весь Ваш мир и империю Англия» («your whole world and empire of England») на «серебряном блюде» («a quadrate tablet of silver»), «если Бог пошлет мне жизнь, чтобы завершить мои начинания»⁶⁰. Джон Леланд планировал создать «magnum opus» под названием «De Antiquitate Britannica, or Civilis Historia». Подготовительные материалы – тысячи страниц тетрадей Леланда – содержали описания мостов, замков, полей сражений, разговоров с местными жителями о «диковинках» и преданиях. Однако, когда он смог, наконец, приступить к реализации своего многотомного замысла, – разум оставил его. Елизаветинские ученики Леланда столкнулись с серьезной проблемой адаптации его огромного рукописного наследия. Все, что осталось от его великого замысла – «Itinerary» и «Collectanea», впервые были опубликованы Томасом Хирном в 1710–1715 гг.⁶¹ Интересно, что Д. Вульф, рассуждая о роли Леланда в истории исторического письма в Англии, отсылает нас к призраку Джейкоба Марли из «Рождественской песни» Ч. Диккенса⁶², а П. Коллинсон указывает, что проект Леланда и сегодня нельзя назвать завершенным⁶³.

На титульной странице «Британии» Кемдена издания 1610 года Британские острова покоятся на серебряном блюде, как и обещал Леланд Генриху VIII. И у блюда есть ручки, так что вы можете перенести Британию в огромный мир. Интересно, что вскоре в 1612 г. выходит топографическая поэма Майкла Дрейтона «Поли-Ольбион» (так у автора)⁶⁴, описывающая в стихотворной форме топографию, традиции и историю отдельных графств. Поэма была своеобразным переложением Кемдена на стихи и снабжена иллюстрированными картами каждого графства с антропоморфными элементами. Первое издание сопровождалась историко-филологическими аннотациями, написанными Джоном Селденом. В своей поэме Дрейтон стремился объединить научное знание о Британии (в основном в комментариях Селдена) и образным рядом «полиольбиона» древних бриттов, друидов и т.п. – того, что не должно быть забыто.

⁶⁰ The Itinerary of John Leyland / ed. L.T. Smith. Vol. 1. L., 1907. P. XL–XLI.

⁶¹ British Library Add. MS 38132; Collectanea, ed. Thomas Hearne. 3 vols. Oxford, 1715.

⁶² Woolf D.R. Erudition and the Idea of History in Renaissance England // Renaissance Quarterly. 1987. Vol. 40. № 1. P. 23.

⁶³ Collinson P. This England: race, nation, patriotism ... P. 25.

⁶⁴ Drayton M. Poly-Olbion: Or a chorographical description of Great Britain, digested in a poem. Ed. by J. W. Hebel. Oxford, 1933.

Рис. 2. Фронтиспис и титульный лист «Британии» У. Кемдена, издание 1607 г.⁶⁵

Если на титульном листе «Атласа» Сакстона восседает королева-мать Елизавета I (рис. 1), у Кемдена в центре – карта Британии с нимфой Британией наверху (рис. 2), то у Дрейтона это дородная фигура женщины, драпированная в карту Сакстона (рис. 3). Ее окружают агрессивные «покорители» Британии – Брут, Юлий Цезарь, Хенгист и Вильгельм Завоеватель. В своих исследованиях Р. Хельгерсон доказывает, что эта эволюция символического образа Британии в хорографиях, историях графств и картах отражает «поворот» антикваров к интересам землевладельцев. Именно за ними как основы социальной и политической иерархии этого королевства они видели будущее⁶⁶⁶⁷. Один из таких джентльменов графства Кент Томас Вуттон писал, отдавая должное «Прогулке по Кенту» Уильяма Ламбарда: «...нет ничего, что могло бы быть более полезным для нашего наставления, или для нашего разума более притягательным ..., чем изучение истории: ни то, чтобы это не было полезно другим, но для положения джентльмена особенно; и никакая другая история – как история Англии. И для этой цели я говорю вам, мои соотечествен-

⁶⁵ https://en.wikipedia.org/wiki/William_Camden#/media/File:Britannia_by_William_Camden_Title_page.jpg

⁶⁶ Helgerson P. Forms of Nationhood... P. 105–146.

⁶⁷ Collinson P. This England: race, nation, patriotism ... P. 26.

ники, джентльмены этого графства (части нашего Королевства), особенно, и всем джентльменам этого Королевства, вообще»⁶⁸.

Рис. 3. Титульная страница «Полиольбиона» М. Драйтона, издание 1612 г.⁶⁹

⁶⁸ Цит. по: Collinson P. This England: race, nation, patriotism ... P. 28.

⁶⁹ <https://en.wikipedia.org/wiki/Poly-Olbion#/media/File:Michael-Drayton-Poly-Olbion.jpg>

Обращает на себя внимание также патриотический пафос этого историко-топографического дискурса. Он связывает неуловимо тонкой «красной» нитью различные «жанры» этого дискурса. Джон Бейль, друг Джона Леланда, надеялся, что его работа «учить и любить свою нацию» («such as is learned and loving to his nation») будет продолжена⁷⁰. Хроники Холиншеда завершаются похвалой «содружеству Англии, уголка мира, который ты, Господи, отвел для приумножения твоего величия» («the commonwealth of England, a corner of the world, O Lord, which thou hast singled out for the magnifying of thy majesty»). У. Кемден во введении к своей «Британии» обосновывает мотивы ее написания: «Слава моей страны вдохновила меня на это», а также «взаимная любовь нашей общей матери и родной страны, древняя честь имени британцев» («the glory of my country encouraged me to undertake it', 'the common love of our common mother and native country, the ancient honour of the British name»).

Интересным наблюдением является тот факт, что главные герои этой «исторической революции» (прежде всего, Леланд) находились в оппозиции к Полидору Вергилию, поставившему в своем многотомном сочинении «История Англии» под сомнение некоторые «знаменательные факты» из истории королевства. В первую очередь это относится к легенде о происхождении Британии от Брута Троянского⁷¹. Все европейские нации нуждались в своих собственных мифах о происхождении, и Англия не была исключением. «Родословная» о Бруте Троянском восходила к XII в. и была представлена уважаемым средневековым автором Гальфридом Монмутским, который утверждал, что, переводя одну древнюю книгу, «*vestusissimus liber*», прочел в ней, что имя островов и народа, их населявшего, восходит к Бруту, внуку или правнуку Энея Троянского, поселившегося здесь со своими воинами и основавшего Лондон как «Новую Троию». К тексту Гальфрида также восходит другая легенда – легенда о короле Артуре. Это еще одно «место памяти» в национальной культуре Британии, формирующее «конфликт» между наследниками бриттов (валлийцев и других гэльских народов) и потомками саксов⁷².

⁷⁰ Bale J. Preface / Bale J. The Laboryouse Journey, and Serche of John Leylande for Englandes Antiquitees. L., 1549.

⁷¹ Polydore V. English History / Ed. by Sir H. Ellis. Camden Society. London, 1846. P. 26–33, 121–122; см. об этом: Ferguson A.B. John Twyne: a Tudor humanist and the problem of England // Journal of British Studies. 1969. № 9. P. 24–44.

⁷² Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / tr. L. Thorpe. L., 1966.

Интересно, что У. Кемден, величайший антиквар эпохи, воспроизводит легенду Гальфрида и заключает: «пусть Брута принимают за отца и основателя британской нации» («For mine owne part, let Brutus be taken for the father and founder of the British nation»), он возражать не будет⁷³. Надо заметить, что это показательно для его стратегии, когда дело доходит до сомнительных исторических свидетельств. Уклончивость Кемдена по такому деликатному вопросу как троянское происхождение Британии лучше всего видна в его латинском тексте: «Sin autem Britannii nostri, velit, nolit veritas, origine Troiani esse velint, me sane repugnantem non habebunt». Перевод Филимона Холланда теряет иронию слов «Velit, Nolit Veritas»⁷⁴. Кемден не заинтересован в торжестве «истины», он лишь высказывает предположения и суждения. Как считал авторитетный историк Морис Поуик, критические суждения Кемдена определялись в первую очередь партийными предпочтениями, а потом уж заботами ученого мужа⁷⁵. Эта характеристика ренессансного исторического письма достаточно хорошо исследована в исторической литературе⁷⁶. И в этом контексте, стоит привести суждение П. Коллинсона: «Латынь Кемдена – единственный текст, где можно услышать авторский голос. В переводе многое теряется...»⁷⁷.

Другой важный вопрос национальной памяти британцев – вопрос влияния германских племен на развитие Британских островов.

Уже в ходе Реформации наблюдался небольшой, но значительный англосаксонский ренессанс⁷⁸, стимулировавший изучение англосаксонского языка и саксонских законов. В собрании рукописей архиепископа Кентерберийского Мэттью Паркера оказались сосредоточены такие манускрипты англосаксонского прошлого как Евангелие Августина Кентерберийского VI в.⁷⁹, одна из лучших редакций «Англосаксонской хроники» IX века (сегодня известная как «Хро-

⁷³ Camden W. *Britannia with English translation by Philemon Holland*. L., 1607. Ch. «Britaine». P. 15. <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit/briteng.html>

⁷⁴ Цит. по: Collinson P. *William Camden and the anti-myth of Elizabeth...* P. 250.

⁷⁵ Powicke M. *William Camden // Essays and Studies*. New series, 1948. № I. P. 78.

⁷⁶ Grafton A. *Invention of traditions and traditions of invention in Renaissance Europe: the strange case of Annius of Viterbo / The Transmission of Culture in Early Modern Europe/* Eds. A. Grafton and A. Blair. Philadelphia, 1990; Grafton A. *Forgers and Critics: Creativity and duplicity in Western scholarship*. L., 1990.

⁷⁷ Collinson P. *William Camden and the anti-myth of Elizabeth ...* C. 256.

⁷⁸ Collinson P. *This England: race, nation, patriotism ...* 23–24.

⁷⁹ «Евангелие» Блаженного Августина/St Augustine Gospels первого архиепископа Кентерберийского, рукопись изготовлена в Италии, датируется VI в., находится в библиотеке Корпус-Кристи колледж в Кембридже (Lib. MS. 286).

ника Паркера»⁸⁰, а также латинский текст «Жизнь Альфреда Великого» епископа Ассера⁸¹ (опубликован Кемденом в 1605 г.). Под покровительством Паркера другой выдающийся деятель Реформации Лоуренс Ноуэлл работал над расшифровкой англосаксонских рукописей и составил первый рукописный англосаксонский словарь «*Vocabularium Saxonicum*»⁸². Он стал обладателем единственной сохранившейся рукописи текста древнеанглийского эпоса «Беовульф», получившей название «Кодекс Ноуэлла»⁸³. Он изучал «Эксетерскую книгу и делал к ней маргиналии (*англ.* Exeter Book), антологии англосаксонской поэзии X века. Без сомнения, Паркер и Ноуэлл, как и многие другие движимые интересом к истории в XVI в., в первую очередь «искали» прототип реформированной Генрихом VIII церкви в примитивном церковном государственном устройстве англосаксов. Здесь высказывалось полемическое суждение о том, что английская нация не зависела от Рима в своем христианстве и имела Писание на своем языке за столетия до Реформации.

Но древнеанглийский язык будет расшифрован только к концу XVII века. Усилия нескольких поколений антикваров увенчаются успехом в «Англосаксонской грамматике» Джорджа Хикса (1689)⁸⁴. А в начале XVII в. У. Кемден опубликовал сборник эссе, скромно названный «остатками от его великой работы “Британия”», которые автор именует «грубыми обломками и отвратительным мусором»⁸⁵. Германские предки предстают здесь «воинственным, победоносным,

⁸⁰ «Англосаксонские хроники», рукопись «А», так называемая «Хроника Паркера», находится в Колледж Корпус-Кристи в Кембридж (Lib. MS. 173). Практически полностью уничтожена пожаром 1731 года. См. подробнее: Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010.

⁸¹ См.: Ассер. Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М.М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. Пг., 1915. С. 306–336; Spelman J. Aelfredi Magni, Anglorum regis invictissimi, vita tribus libris comprehensa a clarissimo dno Johanne Spelman / [ed. by O. Walker]. Oxon., 1678; Spelman J. The life of Alfred the Great / Ed. by T. Hearne. Oxford, 1709. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007; и др.

⁸² Marckwardt A.H. The Sources of Laurence Nowell's «*Vocabularium Saxonicum*» // *Studies in Philology*. Vol. 45, №. 1. January, 1948. P. 21–36. Publ. by University of North Carolina Press. Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/4172828>

⁸³ Кодекс Ноуэла/Nowell Codex. Рукопись находится в Британской библиотеке с остальной частью Коттоновской коллекции (Cotton Vitellius A. Xv).

⁸⁴ Hicke G. *Institutiones Grammaticae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae*. Oxford: at the Sheldonian Theatre, 1689.

⁸⁵ Camden W. *Remaines of a Greater Worke, Concerning Britaine, the inhabitants thereof, their languages, names, surnames, empresses, wise speeches, poesies and epitaphes* / Ed. by R.D. Dunn. Toronto, 1984.

жестким, крепким и энергичным народом». Английская нация, как показывает Кемден, обладает «самой славной из всех ныне существующих [наций] в Европе моральной и боевой силой» – источником английской свободы. Он указывает, что нигде немецкий язык не совершил такого абсолютного лингвистического завоевания как в бывшей провинции Римской империи на Британских островах. Хотя троянская легенда о Бруте была для него «легким» решением полиэтничного единения жителей Британских островов, но слово «Британия» для него наполнено, прежде всего, смыслом текстов его авторитетов – римских писателей.

В этом отношении можно сказать, что Юлий Цезарь в «Записках о Галлии» сотворил «Британию», как Корнелий Тацит – Германию в сочинении «De origine et situ Germanorum». Тот факт, что Цезарь и другие классические латинские писатели ничего не знали об историях, рассказанных Гальфридом Монмутским, был решающим аргументом для Полидора Вергилия. Итак, между древними бриттами и англосаксами пролегла пропасть «оккупации» Римской империи.

Несмотря на то, что Кемден, Дрейтон и др. активно формировали идею Великой Британии, отчетливо просматривается стремление «кембро-бриттов», «скоттов» и других народов защитить свое прошлое. Валлиец сэр Джон Прайс (Sir John Price) в сочинении «Historiae Brytannicae Defensio», опубликованном в 1573 г., писал, что его народ «сохранял свою страну и язык... более 2000 лет и без какого-либо смешения с другой нацией»⁸⁶. Сложнее ситуация обстояла с древними скоттами. Шотландия сохраняла в XVI в. политическую независимость, и ее интеллектуалы демонстрировали стремление создать собственную историю Британии. Они сконструировали идею «древней конституции» Шотландии, восходящей в своей истории к двухтысячелетнему полумифическому королевству Дал Риادا и его первому королю Фергюсу I. Среди «авторов» этой идеи – Джордж Бьюкенен, наставник юного короля Якова VI Стюарта с 1570 г., в будущем короля Англии Якова I. В трудах Бьюкенена – «De Jure Regni apud Scotos» (1579), «Rerum Scoticarum Historia» (1582) – ярко представлен патриотический национальный дискурс шотландского историописания⁸⁷. Гуманисты Гектор Бойс, сэр Томас Крейг, Адам Блеквуд и др. развивали эти идеи в шотландской интеллектуальной

⁸⁶ Historiae Brytannicae Defensio. Ioanne Preiseo Equestris Ordinis Brytanno Authore. L., 1573.

⁸⁷ См.: George Buchanan: the political poetry / Ed. by P.J. McGinnis, A.H. Williamson. Edinburgh, 1995.

культуре XVI–XVII вв.⁸⁸ И мудрое решение Елизаветы Тюдор в вопросе престолонаследия логично вписывается в контекст этого национального и одновременно имперского дискурса. Так же понятно, что сама по себе идея Великой Британии для шотландцев и англичан была одна, а вот наполнение ее было разным.

Подводя итог поисков ответа на вопрос «как, кем и каким образом» формировалась национальная идентичность на Британских островах в раннее Новое время можно сказать следующее. Национальная идентичность формировалась десятками модусов – от церкви до театра – и задана была, прежде всего, дискурсом формирования нового протестантского государства. Она имела символическую сущность, сосредотачивалась в разнообразных социальных институтах и видах деятельности, многие из которых обладали собственным прошлым. «Нация» притягивала к себе мифы и символы, обладающие потенциалом общего прошлого. Они становились «цементирующим» нацию фундаментом. Конечно, те, кто рисовал и использовал новые карты, писал и читал хорографии, как выразился современный исследователь П. Коллинсон, были «крошечной элитой»⁸⁹. Но это была властная элита, определяющая будущее Английского королевства. И, кроме того, труды хорографов и антикваров вскоре станут настольными книгами в кругу чтения английского джентльмена. Конечно, У. Кемден и его коллеги по «исторической революции» 1580–1640 гг. не стали первыми профессиональными историками. Однако через жанр хорографии, где пространство и время соединялись особым образом – они стремились отражать картину очевидности. И в этом их значение в развитии исторического письма. Но главная их заслуга заключается в другом – они создали ясный и убедительный образ Великой Британии. Эта идея стала движущей силой «республиканской монархии» Елизаветы Тюдор, основанной на идеалах ренессансного гуманизма. И даже, если самое выдающееся сочинение этой эпохи – «Британия» Уильяма Кемдена – было создано с целью ознакомить европейскую «общественность» с «Терра Incognita» Британских островов и доказать их respectable римское прошлое, это нисколько не умаляет его роль в консолидации национального мифа о Великой Британии. Эта книга впервые дает ясное представление о народах Британских островов и их истории. Кемден конструирует в р е м е н н у ю и

---

⁸⁸ См.: Williamson A.H. *Scottish National Consciousness in the Age of James VI: the apocalypse, the Union, and the shaping of Scotland's public culture*. Edinburgh: John Donald, 1979.

⁸⁹ Collinson P. *This England: race, nation, patriotism ...* С. 19.

пространственную целостность английского королевства, «достигшего своего расцвета» в царствование Елизаветы Тюдор. И не случайно впоследствии именно Уильям Кемден получит статус отца-основателя британской историографии.

Парадокс наследия Уильяма Кемдена заключается в том, что «проект Кемдена», несмотря на интенсивную работу последующих поколений антикваров по его расширению и дополнению, не станет магистральной линией развития национальной историографии XVII–XVIII вв. Методы его работы (то, что мы сегодня бы назвали историко-сравнительным методом, а также историко-филологической критикой исторических источников) войдут в стандарт исторического письма значительно позже. Фредерик Уильям Мейтленд и его последователи вновь вернуться к позициям У. Кемдена, чтобы снова начать развивать высокий уровень мастерства и эрудиции, а также стремление к объективности, которые были заложены в антикварном дискурсе⁹⁰. Что же касается пространства, то только сегодня в междисциплинарном поле гуманитарного знания исследователи оказались готовы продолжить хорографический проект антикваров конца XVI столетия – начала XVII века.

---

⁹⁰ Bentley M. *Modernizing England's Past. English Historiography in the Age of Modernism, 1870–1970*, 2005. P. 94-96.